

—

XVIII.

И Гу Сьюань, и Се Сюань были людьми, привыкшими действовать предельно решительно и четко.

Примерно через месяц после того, как указ о назначении Се Сюаня наследным принцем был объявлен Поднебесной, вышел и манифест императора Цзяньчао об отречении.

В восьмой день одиннадцатого месяца, совершив подношения Небу, Земле и в храме предков, под взорами гражданских и военных чинов, Се Сюань официально взшел на императорский престол.

Стоя на ступенях перед Дворцом Высшего Предела и глядя на колышущееся внизу море голов, он внезапно ощутил необъятную ширь и пустоту этого мира...

Однако стоило ему повернуть голову, как он увидел стоящего подле него с мечом на поясе Гу Сьюаня. Каким бы огромным ни был этот мир, рядом с ним всегда будет этот человек.

Торжественная церемония завершилась.

Се Сюань вернулся в покои внутреннего дворца вместе с Гу Сьюанем и с нескрываемым нетерпением отбросил в сторону корону-мянь: двенадцать нитей жемчуга столкнулись друг с другом с тихим перезвоном.

Он, как и прежде, всем телом прыгнул в объятия Гу Сьюаня и капризно прошептал:

— Ваш император смертельно устал.

Гу Сьюань подхватил его, приподняв и словно взвешивая в руках, после чего бесстрастно произнес:

— Раз ты так устал, значит, план на вечер в Золотом зале придется отменить.

— ... — Се Сюань.

«Гу Сьюань, если ты не в силах — так и скажи прямо».

Впрочем, хотя Се Сюань долго этого ждал, да и Гу Сьюань в глубине души тоже тайно лелеял эту мысль, затее не суждено было сбыться в день коронации.

Потому что тем же вечером прибыл гонец со срочным донесением: из Северного края и с границы одновременно пришли вести. Степные кочевники подняли стотысячное войско и ударили прямо по трем городам горного хребта Сюэлин.

Всего за несколько дней пали два города. Если будет потерян последний — Сюаньчжоу, северные врата империи окажутся открыты, и в будущем армия кочевников сможет беспрепятственно двинуться прямо на столицу.

Все эти годы степняки на севере не давали покоя. Особенно с наступлением зимы: почти через равные промежутки времени они грабили торговые караваны и совершали набеги на

пограничные города. Однако это всегда были мелкие стычки, они никогда прежде не решались на столь масштабное вторжение.

Приняв доклад, Се Сюань от ярости лишь рассмеялся:

— Степные псы, оказывается, пристально следят за моей столицей. Видимо, рассудили, что из-за перемен при дворе я только взошел на трон и положение еще не упрочилось, вот и выбрали момент.

Гу Сьюань сжал его руку и тихо произнес:

— Позвольте этому смиренному генералу выпустить гнев Вашего Величества.

Се Сюань самодовольно кивнул:

— Угу.

Следующие несколько дней и Се Сюань, и Гу Сьюань были заняты настолько, что забывали о еде и сне.

Огни в Военном министерстве и Министерстве доходов не гасли ночи напролет: подготовка провианта, заготовка вооружения, рассылка приказов о переброске войск — всё навалилось разом.

Лишь за день до того, как Гу Сьюань, назначенный главнокомандующим, должен был повести войска на помощь Северному краю, у них наконец нашлось время побыть вдвоем.

И то, чего они так долго ждали, наконец получило шанс свершиться.

Возможно, из-за предстоящей разлуки Се Сюань, который обычно в таких делах пассивно и лениво принимал ласки, в этот раз проявил редкую инициативу.

Гу Сьюань смотрел на человека, сидящего на нем верхом, и серьезно произнес:

— Когда вернусь с севера, мы должны будем снова попробовать так же.

Се Сюань вскинул тонкую шею, с трудом переводя дыхание:

— И не надейся...

Двигаться самому было слишком утомительно. В этот раз — исключительный случай.

Гу Сьюань остался недоволен таким ответом. Он притянул юношу в свои объятия, из-за чего его «младший брат» еще глубже вошел в «домашние ворота».

— Сс-с... — прошипел Се Сюань.

Его худые ступни, подобные белому нефриту, плотно сжались, упираясь в золоченый трон.

В ту ночь Се Сюаня терзали куда сильнее, чем когда-либо прежде, так что в конце он действительно провалился в глубокое беспамятство.

Когда на следующий день он проснулся, рядом уже никого не было.

Глядя на сине-фиолетовые отметины на своем теле, Се Сюань в мыслях «перекусил» этого человека тысячи раз. Но вслух не произнес ни одного резкого слова. Там, куда он отправился, у клинков нет глаз, и Се Сюань боялся говорить что-то дурное, страшась, что слова могут стать пророческими.

Вслед за этим из императорского дворца одна за другой полетели депеши. Раз уж Гу Сююань отправился на поле боя, Се Сюань должен был обеспечить ему надежный тыл.

Гу Сююань выступил к границе налегке, взяв с собой лишь кавалерийский полк и полк Шэньцзи (Божественного механизма) из столичного гарнизона.

Из трех городов хребта Сюэлин пали два. Немало военных и мирных жителей из тех мест отступили к последнему оплоту — Сюаньчжоу, но еще больше людей осталось на захваченных землях.

Командующий Сюаньчжоу хоть и не обладал талантом великого полководца, но отличался завидным упорством. Несмотря ни на что, он держал оборону Сюаньчжоу, дожидаясь подкрепления.

Город находился в осаде почти месяц, и из-за наплыва беженцев из двух других городов запасы продовольствия уже подходили к концу.

Когда Гу Сююань прибыл к окрестностям Сюаньчжоу, первым делом он наткнулся на отряд солдат, перевозивших зерно в город, которых за пределами стен атаковали кочевники.

Его взгляд похолодел, и он кратко бросил:

— Спасти их!

У воинов кавалерии и корпуса Шэньцзи заблестели глаза — они ждали этого слишком долго. Во время переворота великий генерал решил всё почти без кровопролития, так что им даже не представилось случая показать себя.

Предводитель степняков, командовавший атакой на солдат Сюаньчжоу, в этот момент тоже заметил Гу Сююаня и его людей. Его глаза радостно вспыхнули:

— Это наверняка их подкрепление! Немедленно трубите в рог, пусть братья с других направлений немедленно окружают их. Покончим со всеми разом!

Окруженные солдаты Сюаньчжоу тоже изменились в лице, в их душах даже шевельнулась обида: «Раз уж прислали подмогу, почему так мало людей? Эти несколько тысяч — просто закуска для врага!»

Однако очень скоро они увидели, как эта «жалкая и слабая» помощь начала действовать. Часть всадников достала из-за спин какие-то черные полые штуковины, а часть выкатила из рядов железные приспособления, похожие на большие бочки.

Командующий кавалерийским полком выехал вперед и громко прокричал:

— Всем солдатам Сюаньчжоу: обхватить головы и присесть! В противном случае пеняйте на себя!

Едва слова затихли, как в следующее мгновение из жерл этих железных орудий одновременно

вырвалось желтоватое пламя.

Над равниной громом прогремели взрывы, во все стороны полетели ошметки плоти и брызги крови.

Окруженные солдаты Сюаньчжоу больше не колебались — они мгновенно присели, прячась за телегами.

Прошло немало времени.

Грохот постепенно затих, пламя угасло, и пороховой дым рассеялся.

Солдаты Сюаньчжоу медленно поднялись с земли. Глядя на представшую перед ними картину, они в оцепенении разинули рты, не в силах прийти в себя от шока.

Железная конница степняков, которая гнала их в хвост и в гриву, заставляя отступать шаг за шагом, вот так просто полегла на землю?

Что же это за божественное оружие такое?

Неудивительно, что подкрепление пришло столь малым числом и осмелилось явиться так открыто.

Прежде чем Гу Сьюань вместе с этим обозом продовольствия вошел в город, им встретилось то самое подкрепление кочевников, которое призвал звуком рога их вожак. На этот раз завязалось короткое, но решительное встречное сражение.

Всего для этого вторжения степняки собрали стотысячное войско. После этих двух стычек они разом потеряли десять тысяч человек. Когда весть достигла их главного лагеря, командование было потрясено до глубины души.

После этого кочевники отбросили все сомнения. Решив идти до конца, они бросили все оставшиеся силы прямо под стены Сюаньчжоу, поклявшись не возвращаться назад, пока не возьмут крепость.

Однако этим планам не суждено было сбыться.

Огневая мощь почти сотни пушек и нескольких тысяч мушкетов, привезенных Гу Сьюанем, буквально вжала в землю всех воинов противника, пытавшихся штурмовать стены. После первой же волны атаки у стен Сюаньчжоу остались лишь горы трупов.

Степнякам оставалось только падать на колени и молить своих богов о заступничестве. Но перед лицом оружия Гу Сьюаня даже боги были бессильны.

Миновала ночь. От девяностотысячного войска кочевников осталось меньше двадцати тысяч изнуренных остатков, которые в ужасе бежали туда, откуда пришли.

Еще через месяц два других города хребта Сюэлин, захваченные врагом, вновь вернулись в лоно Великой Лян. Однако население этих городов за два месяца оккупации сократилось почти на треть.

Из-за этого Гу Сьюань прямо ответил отказом на указ Се Сюаня, призывавший его вернуться в столицу.

Степняки захватили их города и вырезали столько мирных людей — разве можно было оставить это просто так?

С этого момента роли нападающих и обороняющихся поменялись. Битва между Великой Лян и кочевниками затянулась на целый год.

Дело было не в том, что кочевники были столь отважны, что могли противостоять огнестрельному оружию Гу Сьюаня. Проблема заключалась в том, что степь была огромной и малолюдной территорией. Армия Гу Сьюаня большую часть времени проводила не в боях, а в перемещениях.

К лету более десятка степных племен совместно подали прошение о капитуляции. Оставшиеся же основные силы упорствующих кочевников были вынуждены начать поход на запад, уходя на земли иных народов.

Пограничные заставы Великой Лян теперь возводились в самом сердце степи. Один за другим на бескрайних просторах вырастали города.

Если Великая Лян жила в условиях феодального строя, то в степи господствовал рабовладельческий строй. Подавляющее большинство людей там были рабами, которых господа могли безнаказанно калечить, убивать и продавать — их жизнь была в сотни раз более жалкой, чем жизнь простолюдина в Великой Лян.

После того как Гу Сьюань занял эти земли, все рабы получили свободу. Те, кто пожелал остаться на родине, перешли под управление генерал-губернатора и стали подданными Великой Лян. Тех же, кто хотел уйти в поисках новой жизни вглубь страны, распределяли по разным провинциям, уездам, округам и деревням. Чтобы избежать заговоров и мятежей, в одну деревню разрешалось селить не более двух семей переселенцев.

Когда основные указы по управлению территориями были обнародованы, для Гу Сьюаня наконец настало время возвращаться в столицу.

...

В это время в столице.

Се Сюань в раздражении отшвырнул в сторону доклад, присланный из Сюаньчжоу.

«Хм, наконец-то соизволил вернуться! И чего не остался в седле на всю оставшуюся жизнь?»

По его изначальному плану, после восшествия на престол они должны были зажить долго и счастливо, не ведая стыда. Но этот несносный Гу Сьюань заставил его в одиночестве спать на императорском ложе больше года.

«Когда этот парень вернется, я точно объявлю ему бойкот и не буду разговаривать целый месяц!»

Тут Се Сюань в нерешительности нахмурил свои красивые брови... «Может, месяц — это слишком долго? Наверное, десяти дней хватит? Или десять... много?»

«Но ведь Гу Сьюань расширял для него границы империи... Не слишком ли жестоко такое наказание? Ладно, пусть будет три дня. Три дня не буду обращать на него внимания и не подпущу к себе», — злобно размышлял Се Сюань.

В этот момент вошел Юаньбао:

— Ваше Величество, пришли вести из загородного дворца Цзинчан.

Раньше Юаньбао был личным маленьким евнухом Се Сюаня, но после коронации он стал главным евнухом, и Управление церемоний (Силицзянь), которым раньше управлял Ван Чэньин, перешло в его руки.

Дворец Цзинчан располагался на горе Фаншань. Он был возведен основателем династии и обычно использовался для летнего отдыха. Однако после восхождения Се Сюаня на трон император Цзяньчжао и Се Хуань содержались там под домашним арестом.

Се Сюань поднял взгляд:

— Что эти двое снова выкинули? Опять тайно связались с местными гарнизонами, мечтая поднять мятеж и скинуть меня с трона? Смелости им не занимать.

Юаньбао усмехнулся и услужливо доложил:

— Теперь-то они, конечно, не посмеют. Проблема возникла внутри их круга.

Хотя в свое время Гу Сьюань подавил императора Цзяньчжао и Се Хуаня силой оружия, после его отъезда на север эти двое снова зашевелились. Император Цзяньчжао правил много лет и, используя подкуп и посулы, всё же сумел собрать кое-какую поддержку.

Год назад они несколько раз тайно связывались с внешним миром и даже передавали письма в гарнизоны Тунчжоу и Бачжоу, готовя штурм дворца.

Разумеется, затея провалилась. Се Сюань всё видел, и прежде чем войска успели войти в городские ворота, он перехватил их, выставив армию с огнестрельным оружием. В итоге дороги, ведущие в столицу, были залиты кровью, окрасившей полнеба в багряный цвет.

С тех пор все люди в Поднебесной, включая императора Цзяньчжао, осознали: в руках Се Сюаня сосредоточена божественная мощь. Как бы ни было горько, больше никто не смел помышлять о бунте. Разве это не было бы самоубийством?

Эту партию оружия Гу Сьюань оставил ему перед уходом, опасаясь, что всякая мелкая сошка решит воспользоваться недавним восшествием на престол. Неожиданно, оно действительно пригодилось.

При мысли о Гу Сьюане сердце Се Сюаня то сжималось от тоски, то таяло от нежности.

«...Может, ну его, это трехдневное наказание?»

«Нет!» — Се Сюань решительно отогнал эту мысль. Иначе Гу Сьюань так никогда и не осознает своей вины.

Он заставил себя переключить внимание на Юаньбао и со злорадством спросил:

— Ты сказал, у них внутренние проблемы. Что случилось? Неужели этот негодяй Се Хуань побил моего дражайшего отца?

— ... — Юаньбао чуть не закатил глаза.

«Ваше Величество, ну и фантазия у вас». После провала последней затеи Се Хуань пребывает в постоянном трепете, боясь совершить малейшую ошибку — ведь вы только и ждете повода, чтобы его казнить. Где уж ему бить тайшан-императора (император, отрекшийся от престола)?

Впрочем, внешне Юаньбао остался почтительно улыбочивым:

— Дело в жене преступника Се Хуаня, госпоже Цзян. Неизвестно, что на неё нашло, но вчера она внезапно помешалась, схватила ножницы и — чик! — лишила преступника Се Хуаня его достоинства...

— Что ты сказал?! — Се Сюань в шоке вытаращил глаза.

В конце концов, любой мужчина способен сопереживать подобной травме.

Он сглотнул слюну:

— А что госпожа Цзян? Что с ней сейчас?

Юаньбао доложил:

— Тайшан-император, узнав об этом, пришел в ярость и хотел немедленно её казнить, но стража из охраны дворца его остановила. Сейчас госпожа Цзян заперта в дровяном сарае поместья.

Се Сюань несколько раз громко рассмеялся и с издевкой произнес:

— Зачем же запирать? Ступай, передай мой приказ — выпустить её. Пусть грызутся друг с другом, так будет куда интереснее.

Однако Юаньбао замялся.

Се Сюань покосился на него:

— В чем дело?

Юаньбао осторожно взглянул на императора и решился объяснить:

— Эта госпожа Цзян... она действительно лишилась рассудка. Она выкрикивает дерзкие речи в адрес Вашего Величества. Утверждает, что она — ваша законная супруга, жена шестого принца и должна быть императрицей... И еще постоянно требует встречи с вами...

Услышав это, Се Сюань холодно усмехнулся: «Если бы не этот мерзавец Гу Сьюань, я ведь и впрямь когда-то едва на ней не женился».

ТЬфу! С чего это он опять вспомнил об этом негодяе Гу Сьюане?

Поразмыслив, он сказал:

— Дел сегодня немного. Я уже год не виделся с отцом, так что сегодня же наведаюсь в загородный дворец Цзинчан!

— Слушаюсь, — поспешно отозвался Юаньбао.

Прибыв в Цзинчан, Се Сюань первым делом намеревался навестить императора Цзяньчжао и

Се Хуаня.

Однако Се Хуань, очнувшись и осознав, что стал евнухом, пребывал в неопишемом горе. Он постоянно взывал к смерти, а император Цзяньчжао вместе с наложницей Ли изо всех сил пытались его удержать.

Глядя на эту трогательную семейную идиллию, Се Сюань решил не мешать и свернул в сторону, чтобы встретиться с Цзян Яньянью.

Разумеется, он не стал унижаться до посещения дровяного сарая, а расположился в главном зале в ожидании.

Вскоре стража привела Цзян Яньянью.

Вопреки ожиданиям Се Сюаня, взгляд её был ясным, а одежда и причёска — в полном порядке. Хотя она выглядела куда более изнуренной, чем во времена их жизни в столице, она вовсе не походила на ту безумную, о которой твердил Юаньбао.

Увидев Се Сюаня, Цзян Яньянью мгновенно вспыхнула, её глаза заблестели, и она бросилась к нему:

— Ваше Высочество... я знала, что вы придете за мной.

— Что ты творишь! Как смеешь вести себя столь дерзко перед лицом Его Величества? — тут же выступил вперед Юаньбао с громким окриком.

Цзян Яньянью вздрогнула от испуга. В следующее мгновение стражники, стоявшие за её спиной, силой заставили её опуститься на колени.

Се Сюань вскинул бровь и спокойно спросил:

— Слышал, госпожа желала видеть меня. О чем же вы хотели поговорить?

Цзян Яньянью стояла на коленях, словно не в силах осознать происходящее. Лишь спустя долгое время она начала бормотать под нос:

— Вы стали императором... стали императором... Всё совсем не так, как в прошлой жизни...

Се Сюань, расслышав её слова, нахмурился:

— В прошлой жизни... Какая еще прошлая жизнь?

Цзян Яньянью резко замолчала, а затем на коленях проползла несколько шагов вперед:

— Ваше Высочество, я ведь должна была стать вашей женой! Я должна была выйти за вас! В прошлой жизни вы любили меня больше всех на свете, были ко мне так добры... Заберите меня отсюда! Се Хуань — ничтожество, и я уже отомстила ему за всё.

Се Сюань приподнял уголок губ:

— И впрямь помешалась. Похоже, говорить нам больше не о чем.

Бросив эту случайную фразу, он уже собрался уходить.

Поведение Цзян Яньянь стало неистовым. Она вцепилась в подол его одежд:

— Ваше Высочество, я осознала свои ошибки! В прошлой жизни мне не следовало сговариваться с Се Хуанем, чтобы предать вас и в итоге погубить... Простите меня, прошу! Вы всегда были ко мне так добры, вы ведь простите меня, правда?

Се Сюань замер. Его холодный взгляд впился прямо в неё:

— Погубить меня? В прошлой жизни?

Спустя долгое время.

Се Сюань отпил глоток остывшего чая, переваривая всё услышанное от Цзян Яньянь о событиях той самой «прошлой жизни».

Он снова посмотрел на стоящую перед ним на коленях женщину и бесстрастно произнес:

— Значит, в той жизни, начиная с дела о жертвоприношении, мой путь был полон невзгод. В конце концов вы меня предали, и я был казнен по приказу тайшан-императора. А тебя позже выбросили как ненужный хлам — Се Хуань возненавидел тебя за то, что ты уже была замужем, и бросил.

Цзян Яньянь кивнула. При воспоминании о том, как Се Хуань обошелся с ней в той жизни, в её глазах вспыхнула люта я ненависть.

Се Сюань коротко рассмеялся:

— Любопытная история, весьма любопытная.

С этими словами он поставил чашку на столик и направился к выходу.

Цзян Яньянь в панике снова потянулась к нему руками, но стражники с силой оттолкнули её в сторону. Она упала на пол и, протягивая руки вслед, закричала:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! Я ваша жена! Неужели вы меня бросите?

Се Сюань бросил на неё мимолетный взгляд, словно на никчемную пылинку:

— Оставим в стороне тот факт, что всё это лишь сказка. Но даже если это правда — неужели вы считаете меня настолько больным, чтобы принять женщину, которая уже однажды меня предала?

Договорив, он размашистым шагом вышел из зала. Снаружи ярко сияло солнце.

Лицо Цзян Яньянь исказилось:

— Ваше Высочество! Но ведь я раскаялась! Вы же искренне любили меня, как же у вас сердце не болит...

Но Се Сюань уже не слышал этих криков.

Покинув дворец Цзинчан, он сразу отправился обратно в столицу. Сидя в экипаже, он раз за разом прокручивал в голове слова Цзян Яньянь. Хотя в поместье он держался невозмутимо, подробности её рассказа были слишком реалистичны — это засело в его сердце и даже

вызывало невольный страх.

Если подумать, если бы в деле о жертвоприношении Гу Сьюань внезапно не проявил бдительность, всё действительно могло бы пойти по описанному ею сценарию.

Гу Сьюань...

Се Сюань смаковал это имя про себя, желая буквально разжевать этого человека и проглотить целиком. Этот несносный тип посмел оставить его одного больше чем на год.

От этих мыслей ему стало душно. Се Сюань поднял руку и отдернул занавеску на окне кареты.

Погода сегодня была чудесная: небо — бездонная лазурь, по которой время от времени пролетали стаи диких гусей. Даже гуси летают парами, и только он — один-одинешенек.

«Хм, когда Гу Сьюань вернется, я обязательно заставлю его почувствовать мою силу. Если только... если только он не явится передо мной прямо сейчас. Тогда, возможно, у него будет крохотный шанс на мое прощение».

Се Сюань предавался этим нелепым фантазиям, когда занавеска на входе в карету внезапно задрожала.

Он моргнул и повернулся, думая, что Юаньбао хочет о чем-то доложить. Однако в следующее мгновение его глаза расширились, и он застыл, глядя на человека, присевшего напротив.

Гу Сьюань тоже смотрел на своего визави: всё такой же изысканный и благородный, с белоснежной кожей и прекрасным лицом. И пусть сейчас его глаза были распахнуты слишком широко, отчего он выглядел немного ошарашенным, это ничуть не портило его красоты и стати.

Вся тоска, копившаяся в сердце генерала, в один миг превратилась в бурный поток.

Он протянул руки, заключая своего маленького императора в объятия, и прижался обветренным в походах лицом к его нежной щеке. С глубоким вздохом удовлетворения он выдохнул:

— Как же я по тебе скучал.

Он бросил основную армию и в одиночку, загоня коней, скакал день и ночь, лишь бы скорее увидеть того, кто сейчас в его руках.

Он и не чаял, что едва пересечет границы столицы, как наткнется на императорский кортеж. Поистине, их сердца бьются в унисон.

Гу Сьюань долго сжимал его в объятиях, но этот обычно неугомонный, как маленький демон, юноша сегодня вел себя неестественно тихо.

Генерал чуть отстранился и увидел, что его император всё так же неподвижен и ошеломлен — кажется, он застыл в этой позе с того самого момента, как Гу Сьюань проник в карету.

Гу Сьюаню это показалось забавным. Он ущипнул его за мягкую щеку, затем склонился и легонько прикусил его алые губы, но император всё не шевелился.

Гу Сьюань прищурился. Он рывком усадил юношу к себе на колени, и его ладонь начала

медленно, дюйм за дюймом, скользить вверх от талии, словно измеряя его.

Казалось, в императоре ничего не изменилось.

Гу Сьюань почувствовал облегчение и в то же время — легкое недовольство.

«Совсем не похудел. Неужели он по мне ни капельки не скучал?»

Впрочем, Гу Сьюань быстро нашел оправдание: вероятно, дело в том, что Се Сюань сейчас в одежде, и замеры выходят неточными.

Он тут же протянул руку, чтобы развязать пояс его одежд.

Легкий ветерок проник в окно кареты, коснувшись кожи.

Се Сюань вздрогнул, его сознание все еще было затуманено — почему вдруг стало так прохладно? Он машинально опустил голову: «А?»

И обнаружил, что его верхнее платье уже неизвестно когда исчезло, а на тонкой нижней рубашке покоится широкая ладонь.

— ... — Се Сюань.

Внезапно все воспоминания вернулись на свои места: прямо сейчас он действительно видел этого негодяя Гу Сьюаня!

Се Сюань резко вскинул голову и встретился взглядом со знакомыми спокойными глазами.

Гу Сьюань сжал его подбородок и неспешно произнес:

— Ваше Величество наконец-то соизволили прийти в себя. А я уж было решил, что ваша душа покинула тело.

Се Сюань тут же широко раскрыл рот и вонзил зубы в его плечо — знакомое, крепкое. Следом он проверил пресс — верно, то самое ощущение. Напоследок он торжественно протянул руку еще ниже... Всё верно, это ОН.

Поначалу Гу Сьюань держался невозмутимо, словно скала, но под натиском Се Сюаня его дыхание невольно участилось. Его маленькое Величество всегда предпочитал действовать решительно, направляясь прямиком к главной цели.

Генерал привычным жестом приобнял сидящего на коленях юношу и подумал: «Как удачно, что его «второй брат» тоже стосковался по родному дому — больше года в него не заходил».

Убедившись, что всё происходящее — не плод его воображения, Се Сюань вскинул голову, собираясь обрушить на него поток ругательств и расспросов.

Однако: «М-м...» — у него даже не было шанса открыть рот. С этого мгновения и до самых дворцовых ворот возможность перевести дух была им утрачена.

.....

За расширение границ Великой Лян заслуги Гу Сьюаня были признаны величайшими на века.

На следующий же день Се Сюань во время утренней аудиенции официально пожаловал Гу Сююаню титул князь Лян и вручил Меч Сына Неба. Эти два дара повергли придворных в шок.

«Лян» — это название государства! Как можно использовать его для титула князя с другой фамилией? Лян-ван, князь Лян... если это дойдет до иноземцев, они решат, что именно Гу Сююань — истинный владыка империи!

А Меч Сына Неба? Обычно покойный император вручал его регенту при малолетнем наследнике, чтобы тот мог карать нерадивых правителей и коварных чиновников. Но Ваше Величество уже взрослый человек, к чему такие крайности? К тому же, этот Лян-ван только вернулся с севера, и все военные печати в его руках — неужели вы не боитесь, что его влияние затмит императора?

Разумеется, Се Сюань не обращал на их слова никакого внимания. Ни сейчас, ни позже, когда посыпались пустые речи о необходимости выбора императрицы и наполнения гарема.

Гу Сююань тоже, ко всеобщему разочарованию, так и не стал влиятельным министром, чьи достижения затмили бы достижения императора. Когда была война — он воевал. Когда войн не было — становился гражданским чиновником и вел «Дневники жизни и деятельности» своего маленького императора. Ну и, конечно, время от времени мастерил небольшие изобретения, улучшая жизнь простого люда.

Так, спустя двадцать лет после воцарения Се Сюаня, вся империя Великая Лян преобразилась до неузнаваемости, а благосостояние народа росло не по дням, а по часам. Под руководством Гу Сююаня Се Сюань начал реформу законодательства, изменил систему образования и отбора чиновников. Исподволь менялся и политический строй: от абсолютной монархии к конституционной. Возможно, в далеком будущем он эволюционирует в еще более справедливую и равноправную народную демократию.

На пятьдесят восьмом году правления Се Сюань скончался в Зале Высшей Гармонии. В стране был объявлен великий траур. На следующий день ушел из жизни и князь Лян.

Следуя завещанию покойного императора, новый государь похоронил их вместе в императорской усыпальнице.

— Итак, сегодня мы поговорим об императоре Лян У-ди, Се Сюане. В период его правления территория нашей страны достигла своих исторических максимумов, сохраняющихся по сей день. Будучи монархом феодальной эпохи, он нашел в себе силы реформировать устаревшие законы и вернуть власть народу, направив страну по пути от феодализма к капитализму. Его дальновидность опередила время...

В аудитории одного из вузов преподаватель открыл презентацию и начал увлеченно рассказывать. Однако студенты внизу уже всю перешептывались, обсуждая вещи, совершенно не связанные с лекцией.

— Каждый раз, когда слышу его посмертное имя «У-ди» (Воинственный император), а потом смотрю на портрет красавца Се кисти нашего князя Гу, у меня в голове диссонанс, — хихикнула одна студентка.

Её симпатичная соседка оживленно подхватила:

— Точно! Как такой яркий, ослепительный красавец мог получить такое суровое имя?

— Эх, да у него просто заслуги огромные!

— Пф, какие там заслуги? Обычный балласт, который Гу Сьюань вытянул за собой в стратосферу, — внезапно вставил резкое слово парень, сидящий сзади.

Обе девушки синхронно обернулись:

— Что ты сказал?

Парень, очевидно, был ярим фанатом Гу Сьюаня:

— А что я сказал? Записи историографов не читали? Переворот в зале Вэньхуа, изгнание кочевников, расширение границ, все эти изобретения и политические реформы — это ведь заслуги Гу Сьюаня! Се Сюаню просто повезло оказаться рядом.

Девушки не сдавались:

— Ну и что, что оказался рядом? Гу Сьюаню самому это нравилось. Он не только заслугами делился, но и ночью они в одной постели друг об друга грелись, хе-хе...

Парень разозлился еще сильнее:

— Хватит нести чушь! У вас мозги прогнили! Генерал Гу был не таким человеком!

— Ой, ты же только что на историков ссылался? Разве твой историограф не писал: «В те времена князь часто делил ложе с государем»? Или ты это избирательно не замечаешь?

Девушки явно хорошо знали историю и продолжали:

— И еще: великий генерал Гу никогда не был женат — угадай, почему? На следующий день после смерти У-ди генерал тоже ушел — снова угадай, почему? И похоронены они в одной гробнице — как думаешь, ради чего?

В этот момент прозвенел звонок с пары. Парень в ярости вылетел из кабинета, решив немедленно перерыть все архивы, чтобы доказать: его кумир любил женщин и не был с этим никчемным императором «балластом» Се Сюанем.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281636>